

их мнению, было оригинальной технологией. Авторы этой книги стали первыми, кто смог воспроизвести необъяснимые особенности Туринской Плащаницы³. Мы обзавелись камерой-обскуром (камера с отверстием без линз), тканью, обработанной химикалиями, доступными в пятнадцатом веке, и подобрали яркое освещение. Однако объектом нашего эксперимента был гипсовый бюст девушки, который, к сожалению, по статусу отстоит от первой модели на световые годы, несмотря на то что лицо на плащанице не является ликом Иисуса, как многократно провозглашалось, но лицом самого мистификатора. Короче говоря, *Туринская Плащаница, помимо всего прочего, есть пятисотлетняя фотография не кого иного, как самого Леонардо да Винчи*. Несмотря на некоторые любопытные претензии на обратное⁴, такая работа не могла быть выполнена благочестивым христианином. Изображение на Туринской Плащанице, если его рассматривать на фотографическом негативе, явно представляет собой окровавленное, изломанное тело Иисуса.

Кровь его, следует помнить, не есть обычная кровь, но для христиан это кровь божественная, святая, через нее мир обрел искупление. По нашим понятиям, фальсифицировать кровь и быть истинно верующим — понятия несовместимые, к тому же человек, испытывающий хоть толику уважения к личности Иисуса, не может выдать свое собственное лицо за его лик. Леонардо сделал и то и другое, причем мастерски и, как мы подозреваем, не без некоторого тайного удовольствия. Разумеется, он знал, не мог не знать, что образу Иисуса на Плащанице — поскольку никто не осознает, что это изображение самого флорентийского художника⁵, — будут молиться множество паломников еще при жизни художника. Насколько нам известно, он действительно бывал в тени, наблюдая за тем, как люди молятся перед реликвией, — и это полностью соответствует тому, что мы знаем о его характере. Но догадывался ли он, какое несметное количество людей будет осенять себя крестным знаменем перед его изображением в течение веков? Мог ли он вообразить, что когда-то в будущем люди будут обращены в католическую догму только из-за того, что увидели это прекрасное, измученное лицо? Мог ли он предвидеть, что в мире западной культуры понятие о том, как выглядел Иисус, сложится под влиянием образа на Туринской Плащанице? Понимал ли он, что когда-нибудь миллионы людей со всего мира будут поклоняться Господу в образе еретика-гомосексуалиста XV века, что человек *Леонардо да Винчи* станет в буквальном смысле изображением Иисуса Христа? Плащаница стала, как мы полагаем, самой циничной — и успешной — мистификацией из когда-либо реализованных в человеческой истории.

Но, несмотря на то что были одурачены миллионы людей, она представляет собой нечто большее, чем гимн искусству безвкусного розыгрыша. Мы считаем, что Леонардо воспользовался представившейся возможностью создать наиболее чтимую христианскую реликвию как средством осуществления двух целей: донести до потомства изобретенную им технологию и закодированные еретические воззрения. Было крайне опасным — и события это подтверждают⁶ — обнародовать технологию примитивной фотографии в тот век суеверий и религиозного фанатизма. Но, нет сомнений, Леонардо забавляло то, что за его изображением будут присматривать те самые священнослужители, которых он столь презирал. Разумеется, эта ирония ситуации могла быть чисто случайной, простой прихотью судьбы в сюжете уже достаточно занимательном, но для нас это выглядит еще одним доказательством страсти Леонардо к полному контролю над ситуацией, причем простирающемуся далеко за пределы его собственной жизни.

Помимо того, что Туринская Плащаница представляет собой фальсификацию и творение гения, она содержит также определенные символы, характерные для пристрастий Леонардо, которые встречаются в других, признанных его работах. Например, в основании шеи человека, отображенного на Плащанице, проходит четкая разделительная линия. На изображении, полностью преобразованном в «контурную карту» с помощью изошренной компьютерной технологии, мы видим, что эта линия отмечает нижнюю границу головы,